

Василий Верещагин

Обер-Аммергау

Василий Васильевич Верещагин

Обер-Аммергау

Аннотация

«Думаю, немногие из русских знают эту деревушку в горной Баварии и дающиеся в ней каждые десять лет представления „Страданий и смерти Иисуса Христа“, иначе „Страстей Господних“.

В нынешнем году там будет усиленное торжество, не столько от усердия, сколько от ожидания наплыва иностранцев со всего света, имеющих прибыть в Европу на парижскую выставку. Этот последний мотив теперь уже пересиливает первый, так как представления эти, начатые с испугательною целью, все более и более обращаются в „гешефт“...»

Содержание

Василий Верещагин

Обер-Аммергау

Думаю, немногие из русских знают эту деревушку в горной Баварии и дающиеся в ней каждые десять лет представления «Страданий и смерти Иисуса Христа», иначе «Страстей Господних».

В нынешнем году там будет усиленное торжество, не столько от усердия, сколько от ожидания наплыва иностранцев со всего света, имеющих прибыть в Европу на парижскую выставку. Этот последний мотив теперь уже пересиливает первый, так как представления эти, начатые с искупительной целью, все более и более обращаются в «гешефт».

Начало представлений относят к 1633 году, когда повальная болезнь свирепствовала в соседних с Обер-Аммергау долинах, преимущественно в Партенкирхене, Ешенлое и Кольрубее; умирало будто бы множество народа, и лишь изображением страданий Христовых, а главное, обетом возобновлять их каждые 10 лет удалось утишить болезнь. Насколько это справедливо – вопрос, конечно, открытый. Верно только то, что с течением времени представления эти привлекали все более и более народа, делались все более и более выгодными для общины Обер-Аммергау. Одни англичане и американцы, как известно, за все хорошо платящие, засыпают деньгами и самую деревушку, и окрестности, по которым

они подъезжают и уезжают.

Я не буду описывать – нельзя сказать, пьесы – самого действия, которое, как художественное произведение, вне критики, а скажу лишь несколько слов об обстановке, весьма наивной и оригинальной.

Я был в этих местах давно уже, когда часть дороги из Мюнхена еще надобно было проезжать в экипаже; тем не менее общий характер местности и жителей остался тот же, так что многое здесь сказанное даст понятие и о готовящемся к лету нынешнего года.

Иуда-предатель

Еще в Мюнхене я рассматривал в окнах магазинов фотографические снимки обер-аммергауских крестьян и крестьянок, представлявших действующие лица мистерии, так что заранее познакомился с типами актеров, из которых некоторые были поразительно похожи на живописуемые в

христианских образах. За время моей поездки железная дорога доходила только до Вейльгейма, и туда я добрался без труда, но потом стали вырастать препятствия, о которых упоминаю лишь на тот случай, что, может быть, читающий эти строки – на пути в Обер-Аммергау имеется уже железная дорога – будет принужден ездить по другим направлениям горной Баварии, рельсовых путей еще не имеющей.

Бравые горцы оказались великими мастерами плутовать: сказали самым решительным образом, что омнибусов нет и надобно нанимать экипаж – недорого, 35, даже 30 марок. Я не поддался, пошел по местечку до почты, где скопилось множество народа, желавшего попасть в новый Иерусалим; омнибусы хотя и оказались, но тоже пробовали обмануть, тоже говорили, что все места заняты и не остается ничего другого, если я хочу попасть к представлению, как нанять экипаж – недорого: 30–25 марок.

Я взялся с другого конца и нашел доброхота, обещавшего попробовать достать билет за «на водку» – это было тем легче сделать, что отходило сразу 3 омнибуса и свободных мест было сколько угодно. Однако множество англичан и др. иностранцев, наскучив спорить, уехали в наемных экипажах, что и требовалось доказать.

Мы выехали вечером и ночью приехали в деревню Аммергау; затем, далее с новым омнибусом до какого-то местечка, откуда я, потерявши терпенье от проволочек, с попутчиком венгерцем добрался в шарабане до места назначе-

ния.

Масса народа идет туда пешком: с ранцами за плечами, с палкой в руках двигается, пожалуй, еще больше народа, чем в экипажах. Способ пешего хождения, особенно в горах, не считается в Германии предосудительным для всех классов общества, не так, как у нас.

– Вот мы и в Иерусалиме, – говорили мы, проезжая между двумя рядами домов, ярко, лубочно разрисованных всевозможными священными фигурами и сюжетами.

Надобно сказать, что по первоначальному обету играть здесь могут только принадлежащие к общине, причем ни париков, ни накладок, ни каких-либо иных принадлежностей театральной гримировки не допускается. Вследствие этого исполнители справляют свои полевые и другие работы с бородами и волосами до плеч. Играющих легко отличить поэтому в толпе крестьян.

Вечером, напр., мне указали между бродившим перед гостиницей народом горца почтенных лет – «разбойника Варраву». Он ходил, засунувши руки в карманы своей серой куртки, курил сигару и немилосердно сплевывал. На него трудно было смотреть без смеха, тем более что, как мне говорили, он прежде служил в жандармах.

Варавва-разбойник

Надобно полагать, что за мой приезд собралось на представление не менее пяти тысяч человек. Все комнаты и углы не только в гостиницах, но и в частных крестьянских домах были разобраны. Многие за невозможностью достать кровать ютились и спали в омнибусах и экипажах, в которых они приехали. Нечего и говорить, что этот съезд массы народа, по большей части зажиточного, приносит жителям не меньше выгод, чем самые представления.

Так как играют только каждые 10 лет, в промежутках между которыми туристов и вообще приезжих немного, то на устройство больших, хорошо организованных гостиниц охотников нет (по крайней мере, прежде не было, держались лишь маленькие, прямо деревенские), и все барыши от помещения и кормления гостей идут прямо в руки собственников крестьян, обращающихся на это время в трактирщиков.

От самых представлений, как замечено, доход тоже немалый – играют 2 раза в неделю, в продолжение всего лета, и выгода, как говорили, доходила до 300 000 марок в лето, а теперь, вероятно, поднялась и до полумиллиона!

Мой компаньон платил за угол, в котором только помещалась кровать, по 4 марки в сутки; я же на каких-то не то антресолях, не то полатах заплатил вдвое больше и сознаюсь, что минута, в которую решилась эта цена, была в высшей степени критическая – не только 8, но и дважды 8 заплатил бы,

чтобы только избавиться от неожиданного соседства. Ночью меня разбудили свет и шум в моей комнате: открываю глаза и вижу англичанина, как есть настоящего, с рыжими бакенбардами, в клетчатом пиджаке, с кисеей на шляпе, приготавливающегося расположиться рядом со мной на постели, оказавшейся двухспальной и потому предназначенной служить для двух «гостей»! Едва удалось уверить британца, что я нанял все и плачу за всю кровать и что хозяйка ошиблась, отдавши половину ему.

Англичан и американцев было больше всего между приежими; много священников из разных стран – мне указывали патеров из Ирландии и С. Америки.

Наутро по приезде, в день представления, мы спозаранку были у театра и уже в 6 часов заняли места, хотя представление начинается только в 8.

Театр большой, тысяч, вероятно, на 5–6 зрителей. Он деревянный и открытый; закрыта только часть сцены да над первыми местами деревянный навес.

Боковые части сцены, открытые, представляют улицы Иерусалима, а главный занавес – общий вид этого города. Все представление разделено на части, в каждой по 3 сцены. Всякая сцена состоит из одной или двух живых картин, взятых из истории Ветхого завета, и из действия, представляющего по порядку одно из евангельских событий, соответствующих картинам, согласно принятому толкованию, что ветхозаветные события были символами или прообразами со-

бытий Нового завета.

В антрактах между этими картинами и действиями являются на авансцену 10 человек безбрадых юношей и столько же дев, представляющих гениев-вещателей. Предводимые благообразным пожилым запевалой, они тихо, плавно выходят с боков на авансцену, вытягиваются в шеренгу и начинают поочередно жалостными голосами выпевать стихи, объясняющие картины и их отношение к действию, перед началом которого исчезают.

Я не буду, как уже говорил, вдаваться в разбор самой «драмы», так как нахожу это неудобным, и скажу только несколько слов о приступе к ней и об общем впечатлении, ею производимом.

Занавес поднялся над живою картиною, представляющею Адама и Еву, изгоняемых из рая ангелом с огненным мечом. Адам и Ева были в розовом трико с достаточным количеством зелени вокруг пояса. Впечатление этой первой картины на публику было благоприятное – по спуске занавеса отовсюду раздались одобрительные отзывы: Schön! Hubsch!¹

Следующая картина: ангел обнимает подножие креста и перстом указывает на него группе стоящих кругом детей – те же одобрения. Затем начинается первая сцена, в которой является сам Спаситель...

Он говорит преимущественно слова Евангелия, говорит медленно, протяжно. Наружный вид Его необыкновенно на-

¹ Прелестно! Мило! (нем.).

поминает Его обычные изображения...

Постановка довольно реальна, исключая мест, где говорит толпа: вместо обычного в таких случаях шума, хаоса голосов раздаются равномерно в такт произносимые целым хором слова – точно рубят их и тем немало нарушают иллюзию. Само собою разумеется, что все, вместе взятое, может удовлетворить только наивный, невзыскательный вкус и неприхотливую публику, зато действие на эту последнюю очень сильно. Молодая девушка, сидевшая рядом со мною, плакала, чуть ли не с начала представления, и она была далеко не одна. В том месте изображения Страданий Христовых, где Его толкают ногой и Он в шутовской царской тоге, с венцом на голове и связанными руками тихо падает на землю, добрая половина театра рыдает, а другая многозначительно кашляет и сморкается – платки во всех руках. Когда от удара копьем в бок полилась кровь, я принужден был объяснить моей соседке, что это ненастоящая кровь, иначе, как я боялся, с ней сделался бы обморок...

Очень расхолаживает, прямо портит впечатление зрителей то, что в антрактах актеры выходят освежиться пивом непереодетые, в тех самых одеждах, в которых они подвизаются на сцене.

Эта маленькая неряшливость делает то, что вы, например, пьете ваш «бок» рядом с лицом, представляющим апостола Петра, а где-нибудь на пустой бочке, с кружкой в руке и сигарой в зубах восседает актер, играющий Иоанна.

Меня уверяли, что в одно из предыдущих представлений вместо знаменитых слов: «Es ist vollbracht!²» наивный актер произнес «es ist prachtvoll!³» Не знаю, правда ли это; за тот раз, что я присутствовал, все прошло гладко и прилично, и зрители разъехались очень довольные, все с теми же восклицаниями: «Schön! Schön!»

² Свершилось, исполнилось! (нем.).

³ великолепно! (нем.).